

ISSN 1819-3145

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ

Выпуск 10

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
САРАТОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК
МВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ

Сборник научных трудов

Выпуск 10

Саратов 2014

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Аврус. В расцвете творческих сил. Аркадию Адольфовичу Герману 65 лет	5
---	---

ИЗ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Я. Н. Рабинович. Пьер Делавиль в России: 1610–1614.....	9
Э. В. Костяев. Отношение Г. В. Плеханова и его единомышленников к Брест-литовскому мирному договору	23
А. А. Симонов, Д. Ю. Дубровин. Первый поход на Уральск Красной Армии Саратовского совета (май 1918 г.)	29
А. В. Ганин. Материальное положение и повседневность специалистов генерального штаба в гражданскую войну 1917–1922 гг.....	43
А. А. Герман. Немцы России в годы гражданской войны.....	92
В. А. Аблизин, М. С. Аллянова, С. В. Ананьев. Забытые эпизоды мужества. бойцы и командиры 10-й стрелковой дивизии НКВД при обороне Сталинграда.....	101
С. О. Козурман. Эвакуированные сталинградцы на территории Саратовской области в годы Великой Отечественной войны.....	110
В. Н. Замулин. Прохоровка: технология мифа	117
Д. В. Колесников. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства военнослужащих: историко-правовой аспект	131

ЭПОХА ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ В ИСТОРИИ РОССИИ И ЕВРОПЫ

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. Гладышев. «Летучий» отряд Ф.К. Гейсмара в кампании 1814 года.....	140
С. Е. Летчфорд. Наполеон и католическая церковь в 1813 г. «Конкордат фонтенбло» по мемуарам кардинала Б. Пакка.....	185
У. Б. Очиров. Ставропольский калмыцкий полк в зимне-весенней кампании 1813 года	194
В. П. Тотфалушин. Уроженцы западных губерний России в «саратовском плену» (1812–1815)	201
Н. А. Троицкий. К биографии А. С. Фигнера	206

ИСТОЧНИКИ

Воспоминания генерала М.И. Карпенко о Заграничных походах 1813–1814 гг.....	212
«Ода на взятие Парижа 1814 года» из фонда Саратовской учёной архивной комиссии	217
Ода на взятие Парижа 1814 года.....	224
Переписка М.С. Воронцова о разведке при осаде крепости Кюстрин в 1813 г.	226

ПОВСТАНЦЫ И ПАРТИЗАНЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

В. А. Шурыгин. Вандея и Шуанерия: историческая память Франции....	233
--	-----

Дж. Мортон. Василий Иванович едет в Алжир: героический образ на экспорт.....	238
Ю. А. Бутенко. Борьба с антисоветскими вооруженными формированиями на территории Змиевского и Чугуевского уездов Харьковской губернии в 1920–1921 гг. (по рукописи А.И. Криштопы).....	244
И. Г. Ермолов. Локотские крестьяне в первые годы советской власти. 249	
А. В. Посадский. Революционный процесс на уездном уровне: бунт в контексте модернизации	253
В. В. Кондрашин. Крестьянское повстанческое движение в Поволжье в 1921–1922 гг.	261
А. В. Лукьянов. Действия органов государственной власти и Красной армии по ликвидации крестьянских восстаний и бандитизма в Саратовской губернии.....	273
М. Г. Ситников. Ильинское восстание	278
А. П. Шекшеев. Военно-политические события в Ачинско-Минусинском районе в 1920–1921 гг.	291
Н. Д. Карпов. Непризнанный полководец (о главнокомандующем Северокавказской Красной Армией И.Л. Сорокине).....	308
Н. Д. Карпов. Два портрета.....	318
НАШИ АВТОРЫ	332

ОТНОШЕНИЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ К БРЕСТ-ЛИТОВСКОМУ МИРНОМУ ДОГОВОРУ

Брест-Литовский мирный договор руководитель группы «Единство» Г.В. Плеханов считал позорным и гибельным для России. Однако по присущей ему дальновидности он возлагал надежды на предполагавшуюся им победу Антанты благодаря присоединению Соединённых Штатов к борьбе с Германией: «В этом случае, – говорил он, – не всё ещё будет потеряно для России, хотя факт измены союзникам останется навсегда позорным»¹.

Опечалило Плеханова и унижение перед Германией Украины. Когда после большевистского переворота в Петрограде, сделавшись пунктом концентрации местных и спасавшихся из Великороссии демократических сил, Украина, руководствуясь идеей председателя Центральной рады Михаила Грушевского, решила созвать Учредительное собрание, у Плеханова появилась надежда, что Киев – мать городов русских – сделается опять ядром, вокруг которого сгруппируется вся Россия. Великороссию Георгий Валентинович не мыслил отделённой от Малороссии. Для него это были две части одной России, он горячо любил каждую из них в отдельности так же, как и целое. Когда же представители правительства Голубовича подписали Брест-Литовский мирный договор, по которому почти вся территория Украины была занята австро-германскими войсками, Плеханов был глубоко огорчён, видя в этом конец своей страны как целого: «Разложение это поведёт к потере нашей экономической самостоятельности, – говорил он. – Русская земля превратится в колонию для немцев и других государств. Брест-Литовский мир и социалистический опыт Ленина отбросит нас на много десятков лет назад. Мы не вынесем экономического разорения и нас возьмёт Европа под опеку, как взяла она Китай. Мы погибаем, как погибли раньше нас восточные деспотии»².

Для единомышленника Плеханова Пантелеймона Дневницкого (Фёдора Исаевича Цедербаума) Брестский мир являлся заключительным звеном той «губительной» политики, начало которой было положено в первый год войны заявлением Ленина о необходимости поражения России в интересах революции: «Политика эта, – пояснял он, – озаменована братанием, разложением нашей армии, рядом тяжких ударов, нанесённых нам военным противником, преждевременной демобилизацией войск "перед лицом немецкого нашествия", государственным развалом России». Захватывая власть, большевики обещали сокрушить «империализм всех стран» и «водрузить истинно социалистический стяг на обоих полушариях». И если с Россией дело обстояло так «ужасно печально», то не пала ли наша страна, задавался вопросом Дневницкий, «искупительной жертвой за торжество идеала более возвышенного, всечеловеческого», и не вёл ли Брестский мир скорейшим путём к прекращению мировой войны и к победе социалистического начала над кровавыми стремлениями «империалистических хищников международного капитализма»? Отнюдь нет, ибо война велась «не исключительно на фронте», огромное значение имел в ней ещё и тыл, организация промышленности и продовольственного дела. Усилия Англии и её союзников, замечал он, за 3 года войны были направлены на то, чтобы «создать блокаду центрального союза, отделить его неразрывным металлическим кольцом от внешнего мира, лишить подвоза жизненных средств». Создавая и увеличивая внутренние трения в

¹ Цит. по: *Дейч Л.Г.* Г. В. Плеханов в России (1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8. С. 65.

² Цит. по: Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 13. С. 99.

Германии и Австро-Венгрии, ослабляя их единство, гражданскую и военную мощь, этот план в случае успеха «сулил привести к благоприятному для демократических держав исходу войны наименее кровавым способом». Но с подписанием Брестского мира блокада была прорвана, технические и продовольственные возможности обеих сторон уравнились и война стала более кровавой, так как Европа была поставлена перед неизбежностью решать поднятые войной вопросы исключительно живой силой, то есть массой людских жертв: «Брестский мир со всеми предшествовавшими ему и сопровождающими его событиями, – писал Дневницкий, – не только открывает для Германии возможность получать недостающее снабжение в потребном количестве. Он превратил эту возможность в действительность. Совершенно даром – за счёт голодной, измученной, нуждающейся России – он отдал в руки Германии неисчислимую добычу: много хлеба, сахара (которого немецкий солдат давно уже не видел) и, сверх того, металла, военного снаряжения, амуниции.

Сотни, тысячи британских и французских пушек, с величайшим трудом доставленных в Россию, рядом с пушками немецкими, взятыми с нашего фронта, уже разрушают английские окопы, громят форты Вердена, пробивают страшный путь к сердцу Франции, Парижу»¹.

Не менее важен был Брестский мир для Германии и в стратегическом отношении, ибо вместо двух отдельных фронтов она в результате его подписания получала один единственный: «Теперь Германия, – писал Дневницкий, – застрахована от каких бы то ни было неприятельских покушений на крайнем правом фланге, где она властвует на всём побережье и островах Балтийского моря. На крайнем юге для неё открывается возможность широких операций в пределах Малой Азии, побережий Архипелага и Адриатики с вероятностью сбросить в море союзную армию с Балканского полуострова, захватить Албанию, Грецию с угрозой поражения Италии и обхвата правого фланга противника»².

Столь же велико, по мнению Дневницкого, было и политическое значение Брестского мира, который означал установление «германско-прусской гегемонии над европейским югом, востоком и севером»: «Достаточно Германии кончить войну на западе вничью или хотя бы с лёгким уроном, – полагал он, – чтобы обеспечить себе возможность самостоятельного – без участия каких-либо других держав – решения всех политических вопросов, касающихся указанных частей Европы». Таким образом, «Брест» со всеми вытекавшими из него последствиями, резюмировал он, «оказал огромную и всестороннюю помощь центральным державам, и в особенности Германии, в их борьбе с англо-французской коалицией»³.

Решительно не согласен он был и с утверждениями большевистской и полубольшевистской («циммервальдовской») печати, что для будущего демократии были равно опасны как англо-французский и японо-американский, так и австро-германский империализм. Захватный характер германского империализма, считал Дневницкий, был тогда понятен «даже глухим и слепым»: «Полное экономическое порабощение побеждённых и попавших в "круг немецкого влияния" стран, – писал он, – т. е. большей части Европы; таможенная стена, отделяющая эти страны от всего мира, дающая право союзу срединных империй без контроля и без конкуренции эксплуатировать эти страны и как производителей, и как потребителей; жестокая политическая реакция в государствах побеждённых точно так же, как и в государствах победителей; повсюду торжество монархий и империя, бодрствующая и надзирающая за ними – вот программа, ... которой не скрывают опьянённые успехом прусские средневековые помещики и германские капиталисты». Противостояли же этой «всемирной реакции» «величайшие в свете демократические страны» – Франция, Англия и Соединённые Штаты, которые добивались уничтожения остатков феодального строя, провозглашали свободу мировой торговли, отстаивали вы-

¹ Дневницкий П. Всемирно-историческое преступление // Дело. № 2 (8). 25 марта (7 апреля) 1918. С. 6–7.

² Там же. С. 7.

³ Там же.

двинутый ещё Великой французской революцией лозунг невмешательства во внутренние дела больших и малых народов, защищали права порабождённых Бельгии и Сербии, настаивали на соблюдении международных договоров, официально заявляли, что «ни в каком случае не допустят длительного унижения России, раздела Польши и Румынии, не признают грабительского Брестского мира»: «Реакция, деспотизм – на одной стороне; свободное развитие народов, демократия – на другой. Неужели для демократа, для революционера, для социалиста то и другое – всё равно?»¹, – задавался вопросом Дневницкий.

Считая, что в Брест-Литовске произошла «позорнейшая сдача без боя на милость победителя, вызвавшая небывалое усиление германского империализма», распад России на части и утрату ею политической и экономической независимости, Дневницкий откликнулся и на произошедшую 5 апреля 1918 г. высадку японского десанта во Владивостоке. На вопрос, могла ли тогда Россия вступить на путь, который избрал для неё Совет народных комиссаров (СНК), усмотревший в японской высадке начало враждебных действий и, предъявив Японии ультиматум об оставлении российской территории, грозивший разрывом дипломатических отношений и воскрешавший призрак «священной войны», он отвечал отрицательно: «Отказ сопротивляться германским хищникам Н. Ленин мотивировал полным разложением русской армии. Но разве для войны на востоке, – вопрошал Дневницкий, – имеются войска? Или со свежими, во всех отношениях превосходными, силами японцев легче будет справиться, чем с австрийцами и гайдамаками?»

И однако "советская власть", рабски выполняющая даже наиболее бессовестные и незаконные требования немцев, сама предъявляет ультиматумы союзникам. На что же она рассчитывает? Не на поддержку ли со стороны германского императора, с которым готовится заключить союз?». Тогда не случайно, считал Фёдор Исаевич, в газетах было напечатано известие, что в случае непринятия Японией советского ультиматума Германия, вопреки Брест-Литовскому договору, разрешит России вновь мобилизовать войска. Если Япония поставила себе целью захватить весь Сахалин, значительную часть Сибири, железную дорогу, золотые россыпи и железные рудники, то открытая война, по его мнению, только развязала бы ей руки, а связь советского правительства с Германией исключила бы возможность какого бы то ни было протеста со стороны союзников: «Германия же, занятая на западе, фактически не сможет, – писал Дневницкий, – оказать нам существенную помощь. А если бы и оказала, то неизбежно распространила бы своё непосредственное господство на всю Европейскую и Азиатскую Россию. Такая помощь обошлась бы нам бесконечно дороже всего, что может захватить у нас Япония...». Он понимал, что союзники и враги одинаково смотрели тогда на Россию, «как на мёртвое тело, неспособное самостоятельно двигаться или отстаивать своё положение». Но из двух зол выбирал всё-таки меньшее – союзников, ибо считал, что и Англия, и Франция, и Соединённые Штаты могли в любой момент заключить мир «за наш счёт», но всё же не хотели этого делать: «Помощь союзников, – полагал Дневницкий, – весьма пригодится нам и на мирном конгрессе, где будут закреплены условия дальнейшего существования всего земного шара, в том числе Европы и России. Конечно, нашей стране необходимо позаботиться о том, чтобы самой выступить на этом конгрессе в качестве действующего лица, а не объекта чужеземного воздействия. Но опять-таки без сильных союзников нам этого не достигнуть. Германия не только с Россией, но даже с Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией обращается, как с вассалами».

При таких обстоятельствах становиться во враждебные отношения к державам Согласия и грозить им войной Дневницкий считал «величайшим безумием». По его мнению, не война с Японией диктовалась тогда положением дел, а борьба с антинациональной политикой Ленина «как необходимое предварительное условие борьбы за восстановление независимости государства

---

¹ Там же.

российского...»¹. Между тем мучительные переживания за судьбу в очередной раз оскорблённой Родины ускорили кончину Плеханова. Его сердце не выдержало унижений России и Украины в Брест-Литовске. Они мучили его и тогда, когда он находился ещё в полном сознании, и тогда, когда он бредил в последние часы своей жизни². «Война, перипетии которой Плеханов переживал болезненно-страстно, раскол Интернационала и одиночество внутри созданной им партии, – писал меньшевик Владимир Левицкий (Цедербаум), – всё это не менее, чем чахотка, сократило жизнь Георгия Валентиновича на несколько лет»³.

Оставшиеся в начале 1918 г. без своего лидера, вынужденного выехать из-за большевистских притеснений в Финляндию, члены социал-демократической группы «Единство» рук в связи с этим старались не опускать и пытались, несмотря на чинимые со стороны новых властей препятствия, ещё некоторое время отстаивать свои взгляды. Так, в одном из последних номеров газеты «Наше единство» от 17 января 1918 г. нелестных характеристик было удостоено большевистско-левоэсеровское большинство состоявшегося 10–18 января в Петрограде III Всероссийского съезда Советов, названное «безгласной кликой ленинских потакателей»: «Большевистский съезд Советов, прокричав громогласное "ура" сепаратному миру и гражданской войне, собирается на покой, – говорилось в статье «Оппозиция его величества». – Делегаты разъезжаются на места, чтобы нести туда весть о предании России на поток и разграбление германскому империализму и оккупационным войскам других соседей»⁴.

После прекращения 20 января 1918 г. выпуска «Нашего единства» было достигнуто давно ожидавшееся объединение интернационалистско-оборонческих сил в рамках издания в Петрограде газеты «Начало». Помимо «потресовцев» Бориса Батурского (Цейтлина), Анатолия Дюбуа и Павла Колокольниковца, в редакцию нового издания были включены «единцы» Плеханов, Любовь Гирш-Аксельрод и Константин Фельдман. К сожалению, Георгий Валентинович писать для этой газеты уже ничего не мог. Но он, по мере возможности, благодаря усилиям своих петроградских почитателей супругов Касьяк, навещавших Плехановых в Питкеарви, следил за деятельностью «Начала», был доволен появлением этой газеты, считал, что там имелись хорошие статьи, выделяя при этом понравившиеся ему публикации Гирш-Аксельрод и Веры Засулич⁵.

В начале 1918 г. из Вологды, куда он в своё время был направлен ЦК «Единства» проводить избирательную кампанию в Учредительное собрание, для ведения борьбы с большевиками переехал в Москву один из ближайших сподвижников Плеханова в период мировой войны Григорий Алексеевич Алексинский. 27 апреля на митинге в Большом зале Дворянского собрания за характеристику Брестского мира, как «позорного», он был арестован чекистами и посажен в «одиночку» Таганской тюрьмы. В январе 1919 г. в связи с заболеванием тифом Алексинский был выпущен на поруки, после чего некоторое время работал в отделе информации Центрального совета профсоюзов и в Главархиве. Весной того же года Михаил Калинин предлагал ему работу в советском правительстве, но Алексинский отказался. В мае 1919 г. он переехал в Петроград и вместе с семьёй, через Эстонию и Данию, бежал в Париж⁶.

¹ Дневничкий П. Горькие плоды // Дело. № 3 (9). 1 (14) апреля 1918. С. 1–2.

² См.: Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 13. С. 100.

³ «Мне не раз приходилось слышать Плеханова...» Из воспоминаний В. О. Левицкого. Публ. подг. М. В. Пронина // Исторический архив. 1998. № 2. С. 38–39.

⁴ Большевики в большевистской России. 1918–1924. / Большевики в 1918 году. М., 1999. С. 758–760.

⁵ См.: Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 13. С. 101–102; Большевики в 1918 году. С. 143.

⁶ См.: Алексинская Т. 1917 год // Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. Кн. 91. С. 189, 202; Г. А. Т. И. Алексинская // Там же. 1969. Кн. 94. С. 272–273; Морозова А. Алексинский // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 29.

23–27 августа 1918 г. в Москве состоялось совещание группы «Единство», где было принято несколько важных резолюций. Львиная доля внимания в резолюции «По общей политике» была уделена Брест-Литовскому мирному договору. В ней отмечалось, что выход России из коалиции стран, боровшихся с Германией, значительно повысил шансы последней на победу в войне, которая явилась бы торжеством хищнического империализма и мировой реакции. Брестский мир и последовавшие за ним события, подчёркивалось в резолюции, фактически превратили Россию в немецкую колонию, между тем как в восстании её независимости и государственного единства заинтересованы не только широкие трудовые массы в России, но и вся международная демократия. «Успеху этого дела препятствует политика нынешней власти, под флагом нейтралитета содействующая осуществлению хищнических планов германского империализма, – говорилось в документе. – С другой стороны, отказ союзников признать Брестский мир и непрекращающаяся война их с германцами создают объективные условия, способствующие возрождению и освобождению нашей родины. Во имя этой великой цели российские социалисты... обязаны бороться за уничтожение Брест-Литовского договора и за возобновление тесного союза с западными демократиями». Считаюсь, однако, с тем, что эта борьба будет чрезвычайно затруднена «инертностью населения, его политической пассивностью и малосознательностью», организация «Единство» ставила одной из первых и главных своих задач пропагандистскую и агитационную деятельность среди рабочих и трудовых масс, а именно: разъяснение им всей пагубности для России победы германского империализма, обнаружение той роли, которую в успехах этого империализма и в общероссийском развале сыграло большевистское правительство, а также пробуждение среди масс симпатии к странам Антанты. Для дела возрождения России «единцами» не отрицалась даже возможность и необходимость «использования внешних сил». При этом из числа возможных вариантов использования таких сил безусловно исключалась Германия: «Злоба и ненависть, возбуждаемые нынешней властью в широких слоях населения, – говорилось в резолюции, – вызывает среди них желание избавиться от неё каким бы то ни было путём, не исключая германской ориентации. Организация "Единство" со всей настойчивостью высказывается против всяких действий в духе этой ориентации, а тем более против компромиссов с германским завоевателем, попирающим русскую землю»¹.

После этого терпению большевистских властей пришёл конец. Осенью 1918 г., ненадолго пережив своего основателя и лидера, под градом правительственных репрессий организация «Единство» прекратила своё существование. Не спасло группу и то, что Плеханов был внесён в список «великих людей», которым СНК собирался поставить памятники².

Правда, кое-где в провинции, время от времени, в течение ещё нескольких лет имели место отдельные выступления плехановцев. К примеру, осенью 1919 г. Киевским комитетом «Единства» была принята декларация с изложением взглядов организации по ряду вопросов текущего политического момента. Начинался документ с указания на близость двухлетней годовщины советской власти в России, годовщины тех дней, когда «низвергнув, при поддержке всех явных и тайных врагов русской государственности, революционное временное правительство, партия большевиков-коммунистов взяла в свои руки власть, разогнала всенародное Учредительное Собрание, объявила социализм несовместимым с демократией и ради продления своего господства заключила позорный мир с Германией, предварительно разложив военную силу государства и тем самым выдав его на поток и разграбление внешнему врагу». Большевизм счёл для себя возможным, гласила декларация, переступить через законы общественного развития и, опираясь на демагогию, путём

¹ Меньшевики в 1918 году. С. 762–763.

² См.: *Паёлов Д. Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999. С. 33–34.

насилия над непризнающей никакого насилия экономикой, начал осуществлять свою коммунистическую программу в стране, всего лишь 30 лет назад определённо ставшей на дорогу капиталистического развития: «Стоя в вопиющем противоречии с действительностью, – читаем мы в документе, – коммунизм был с самого начала обречён на бессилие и мог дать народу и рабочему классу лишь то "равенство в нищете", которое отбросило Россию к временам лучин, бездорожья и менового хозяйства. Рухнуло всё производство страны. Почти исчез производительный рабочий класс. Но воцарились безработица, голод, холод, эпидемические болезни. Великая страна легла в развалинах лёгкой добычей для чужеземцев. Объявивший смертельную борьбу международному империализму большевизм за два года своего господства выдал Россию с головой всем хищникам международного капитала». Поэтому Киевский комитет «Единства» звал рабочих «всей силой своего содействия оказать поддержку государственным образованиям на территории России, поставившим своей целью низвержение советской власти, восстановление государственного единства и свободное устройство государства чрез Всенародное Учредительное Собрание», а также призвал в своей декларации «признать адм[ирала] Колчака, как временного носителя верховной власти, а в находящихся под его верховным командованием армиях видеть могучий рычаг воссоздания Российского государства и обеспечения его внешней независимости»¹.

Но вскоре прекратились и такие эпизодические выступления «плехановцев». В результате группа «Единство», как организация, окончательно сошла со сцены к концу Гражданской войны². Жившая, главным образом, личным влиянием своего руководителя, после его смерти она фактически обречена была, без помощи большевиков, на медленное умирание, что с неизбежностью и произошло.

---

¹ Hoover Institution Archives, Boris I. Nicolaevsky collection, Series 130. Box 201. Folder 1–4.

² См.: *Далин Д.* Большевизм в период советской власти // *Большевики*. Сост. Ю. Г. Фельштинский. Benson, 1988. С. 150.